

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСТАВНИЧЕСТВО В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ: Ю.Н ЛИБЕДИНСКИЙ И ОСЕТИНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

И.Т. Цориева

В статье рассматривается малоизученный в региональной историографии вопрос о сложившейся в 1930-1950-е гг. практике литературного наставничества по отношению к национальным писателям. Обязанности кураторов и наставников, наряду с идеологическими работниками партаппарата, исполняли члены центральных руководящих органов Союза советских писателей СССР, известные советские русские писатели. Они негласно выполняли функции политических цензоров, наделенных правом влиять на литературный процесс, на регулирование кадрового состава региональных писательских организаций, приведение творческих планов и замыслов писателей в соответствие с социальным заказом. Эволюция наставнических отношений на протяжении второй половины 1940–1950-х гг. от исключительно профессиональных контактов к более тесному, плодотворному для обеих сторон, творческому и межличностному общению прослеживается через взаимодействие и сотрудничество писателя Юрия Николаевича Либединского с осетинскими литераторами. Отмечается, что к середине 1950-х гг. в условиях наметившейся «оттепели» наставнические отношения организационно вышли за рамки модели «куратор – подопечный». Формировался новый тип советского русского писателя – литературного наставника, наделенного не только полномочиями организатора и координатора литературного процесса в национальных регионах, но и становившегося партнером в формировании иного общественного климата. Делается вывод, что качественный переход от роли литературного наставника к партнерской функции в условиях «потепления» общественного климата способствовал сохранению коммуникативного наследия сторон, развитию процесса гуманизации и интернационализации советского общества, утверждению, в частности, в литературно-художественной сфере атмосферы компетентного, неформального уважения к языкам и культурам народов СССР.

Ключевые слова: литературное наставничество, кураторство, политическая цензура, национальная литература, осетинские писатели, Ю.Н. Либединский.

С середины 1930-х гг., особенно с окончанием Великой Отечественной войны пропаганда идей интернационализма и дружбы народов в идеологической работе политического руководства СССР превратилась в один из действенных инструментов укрепления единства многонациональной страны и строительства социалистической системы. В соответствии с обнов-

ленным политическим курсом, наряду с планами социально-экономической помощи и поддержки регионов СССР и стран-союзников, в общественную практику входили различные формы культурного сотрудничества, вовлечения широких слоев населения в организацию и проведение социалистических праздников, внедрения новых традиций в духе интернацио-

нализма. Реализации этих программ содействовали, в частности, декады, дни литературы и искусства народов СССР, встречи деятелей культуры и фестивали дружбы [1, 514-524]. На рубеже 1940-1950-х гг. торжества в честь юбилеев выдающихся представителей многонациональной культуры, других исторических событий приобретали общесоюзный масштаб, символизируя «нерушимое интернациональное единство народов» страны.

Для осетинской культуры примером такого празднования был торжественный вечер, состоявшийся 23 октября 1959 г. в Кремлевском театре в Москве. Он был посвящен 100-летию со дня рождения основоположника осетинской литературы Коста Хетагурова и собрал многочисленных представителей художественной интеллигенции страны. Обращаясь к наследию Хетагурова, писатель Николай Тихонов напоминал, что он больше, чем просто осетинский писатель, он – «представитель общечеловеческой поэзии», который «вошел в интернациональную семью прославленных просветителей и гуманистов» [2, 7-8]. В подтверждение сказанного балкарский поэт К. Кулиев, латышский поэт В. Лупс, туркменский писатель Б. Кербаббаев читали на родных языках стихи Коста [3, 240-241]. Так национальный писатель входил в пространство многонациональной советской и мировой культуры.

Общесоюзное празднование юбилеев выдающихся представителей национальных культур, других знаменательных исторических событий наряду с неизбежной классовой идеологической доминантой как основой советского национально-культурного

строительства способствовало возникновению новых аспектов межнационального и межкультурного диалога во всех сферах общественной жизни. Такие массовые мероприятия служили важной платформой для знакомства и обмена профессиональным опытом между представителями творческой интеллигенции народов СССР. Формат мероприятий, проводимых на плановой основе, содействовал установлению более или менее устойчивых отношений между их участниками. Но если в других сферах общественной и культурной жизни связи могли быть вне профессиональных интересов, формальными, подчас отрывочными (встречи передовиков производства, гастроли, выставки, поэтические вечера и т.д.), то общение в писательской среде нередко перерастало в многолетние профессиональные и личностные отношения.

Власть одобряла и поддерживала развитие творческих контактов в литературной среде, используя для этого возможности Союза советских писателей (ССП) СССР и его региональных отделений, которые во многом являлись частью партийно-государственного руководства культурой. Через творческие организации она курировала культурный процесс, выстраивала вертикаль управления литературой и искусством (центр – регионы), используя в том числе наработанный арсенал средств воздействия на творческих деятелей (принуждение, материальное и моральное поощрение и др.) и тем самым обеспечивая идеологический и административный контроль в творческой сфере. В рамках реализуемой государственной политики формировалась своеобразная прак-

тика культурного наставничества по отношению к деятелям национальных культур. Обязанности литературных кураторов и наставников наряду с идеологическими работниками партаппарата обычно исполняли члены центральных руководящих органов ССП СССР, видные советские русские писатели. Они негласно выступали в роли политических цензоров и наделялись правом влиять на литературный процесс, на регулирование кадрового состава региональных писательских организаций и формирование тематики художественных произведений; приводили творческие планы и замыслы национальных писателей в соответствие с социальным заказом.

Однако было бы большим упрощением оценивать взаимодействие между творческими организациями центра и регионов только в плане отношений «куратор – подопечный». Сотрудничество между советскими русскими писателями и представителями национальных литератур народов СССР как правило перерастало рамки простых «рабочих» контактов и приобретало характер более близкого межличностного общения, плодотворного для обеих сторон и в конечном счете определявшего перспективы развития многонациональной советской литературы.

Известные русские писатели в общении с национальными литературами выступали в самых разных ипостасях. Они были рецензентами, редакторами и переводчиками. От их литературно-критической деятельности во многом зависело, пройдут ли цензурный отбор и будут ли допущены к изданию произведения национальных писателей, для которых особенно престижными, потому

весьма желанными были публикации в центральных издательствах. Выход в свет книги национального автора, к примеру, в издательстве «Советский писатель» или «Молодая гвардия» служил своеобразным маркером профессиональной репутации среди коллег, показателем социального статуса. Он открывал дорогу к намного более широкой читательской аудитории и (что было немаловажным) позволял заметно улучшить материальное положение творческого деятеля. Складывавшиеся в ходе «рабочих» контактов неформальные отношения между столичными и региональными писателями могли существенно влиять на творческую судьбу национальных литераторов, на их общественное признание, на возможности профессионального и карьерного роста не только в структуре творческого союза, но и в партийно-государственных органах.

В свою очередь для русских писателей завязывавшиеся с региональными литераторами творческие связи являлись средством приобретения нового опыта, нового знания об образе жизни, повседневном быте, культуре разных народов и источником творческого вдохновения [4]. Оплачиваемое участие в литературных выступлениях, переводческая деятельность, редактирование, написание рецензий на художественные произведения, другие виды литературной работы были также важной частью стратегии выживания литераторов. Другим способом улучшить материальное положение были творческие командировки, предоставляемые писателям ССП и издательствами, в том числе для «сбора материала» для будущих произведений, поскольку проезд, проживание и су-

точные оплачивались. Поэтому зачастую такие командировки использовались для получения дополнительных средств и отдыха [5, 227].

Таким образом, сложившиеся в послевоенный период в литературно-художественной сфере наставнические отношения позволяют судить о взаимовыгодном характере формировавшихся профессиональных связей между представителями советской русской и других национальных литератур. Логическим продолжением творческого взаимодействия и сотрудничества являлось установление между писателями часто многолетних дружеских, личностных и даже межсемейных отношений.

Немало примеров человеческого и творческого содружества представителей русской и осетинской интеллигенции дает история советской осетинской культуры. На протяжении десятилетий творческими и кураторскими отношениями с кавказскими, в том числе осетинскими литераторами были связаны многие советские писатели: Н. Тихонов, А. Фадеев, К. Симонов, А. Горбунов и др. [6; 7; 8; 9]. В 1940-1950-е гг. особенно тесные профессиональные и дружеские контакты установились с Юрием Николаевичем Либединским. Для многих писателей Осетии на долгие годы вплоть до своей скоропостижной кончины в ноябре 1959 г. он стал влиятельным наставником, добрым покровителем и верным товарищем.

Ю.Н. Либединский принадлежал к поколению «литературных генералов», получивших общественное признание на волне грандиозных революционных трансформаций 1920-1930-х гг. Герико-романтическая патетика первой

повести «Неделя» (1922) обеспечила ей одобрение власти. В 1920-е – начале 1930-х гг. книга не раз переиздавалась. Она входила в учебные программы школ и институтов, ее переводили на иностранные языки: французский, немецкий и др. Анри Барбюс писал, что это «революция глазами революции». Романтическим революционным пафосом были проникнуты и другие произведения автора («Комиссары», «Завтра», «Рассказы товарищей» и др.), написанные с большой симпатией к большевикам, к советской власти [10].

Но, несмотря на демонстрируемую приверженность социалистическим идеалам и принципам соцреализма в творчестве, в период репрессий 1930-х гг. Либединский не избежал гонений. Объектом критики политических цензоров стала книга «Рождение героя» (1930), в которой писатель затронул проблему перерождения партийного аппарата в бюрократический. Из редакционных архивов извлекли похвальную рецензию 1922 г. на повесть «Неделя», написанную Н. Бухариным, который к тому времени был обвинен в «правотроцкистском заговоре» и в марте 1938 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. В 1937 г. Либединский был исключен из партии с формулировкой «за связь с врагами народа» (восстановлен в 1939 г.). Его книги, изданные до 1937 г., изъяты из открытого доступа библиотек [10].

Юрий Николаевич продолжал писать, но, не имея возможности печататься и, следовательно, жить профессиональным писательским трудом, был вынужден искать другие источники дохода для семьи. Он занялся журналистикой, писал очерки о советской

повседневности, о современниках, выполнял самые разные виды литературной работы: литературная обработка художественных текстов, редактирование, рецензирование произведений. Именно в это непростое для писателя время состоялось его знакомство с Кавказом, началось сотрудничество с профессиональными творческими организациями, деятелями национальной культуры. Как и многие его коллеги, он занялся переводом произведений художественной литературы народов СССР.

Конец 1930-х и особенно 1940-1950-е гг. стали временем небывалого расцвета переводческой деятельности в советской литературе. Художественный перевод рассматривался в советской культурной политике как один из действенных способов утверждения «советского единства», укрепления «нерушимого братства» народов СССР. За перевод произведений национальных литератур на языки всех советских народов ратовал А.М. Горький, который, по словам Либединского, был убежден: «В этом случае мы бы все быстрее научились понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальных черт лица всех племен, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру» [11, 115].

В то же время следует отметить, что развитие переводческой деятельности было закономерным следствием не только официальной политической стратегии на создание мно-

гонациональной социалистической литературы. Его идеологическим посылом во второй половине 1940-х гг. стала объявленная борьба с «проявлениями буржуазно-националистических извращений» в культурной жизни народов СССР. Развивая курс на особую миссию русского языка как средства межнационального общения в условиях складывания новой интернациональной общности «советский народ» [12, 205], власть поддерживала кураторскую функцию ССП СССР в его отношениях с региональными писательскими отделениями. Художественный перевод как способ конструктивного взаимодействия сторон оказался достаточно «взаимоприемлемым» в этих обстоятельствах. Он не только обеспечивал поддержку национальных писателей в их стремлении получить доступ к широкой разноязычной читательской аудитории, но и служил средством контроля и надзора над ними. На наш взгляд, художественный перевод в советской литературе тех лет вполне можно рассматривать в качестве альтернативы «судам чести», которые действовали в 1947–1948 гг. в научных и учебных заведениях, в государственных учреждениях, министерствах, творческих союзах по всей стране и использовались для профилактики «идеологических ошибок» через «общественные выговоры» [13, 405].

Во второй половине 1940-х – 1950-е гг. развитие переводческой деятельности в рамках направляемого литературного процесса сыграло значительную роль в освоении культурного наследия народов СССР. В эти годы Юрий Либединский особенно активно сотрудничал с кавказскими литера-

турными объединениями. Тесные отношения установились с писателями Осетии. В 1939 г. он был восстановлен в партии и профессионально реабилитирован, что дало возможность печатать свои произведения и расширять творческие связи с многонациональным литературным сообществом. Переводческая работа стала важной составной частью этих связей.

Подобно подавляющему большинству русских писателей, занимавшихся в рассматриваемые годы художественным переводом с языков народов СССР, Либединский не владел языками национальных литератур и был вынужден обращаться к подстрочнику. Но именно это обстоятельство заставляло его с еще большим тщанием и скрупулезностью работать с предлагаемыми текстами. В стремлении добиться адекватности перевода, сохранить художественно-эстетические достоинства оригинала, не забыть о передаче «духа» переводимого произведения [7, 8-9] Юрий Николаевич находился в постоянном рабочем контакте с авторами. Об этом свидетельствуют материалы переписки, хранящиеся в Российском государственном архиве литературы и искусства, в фонде писателя [14, 1; 15, 1]. «Уметь при переводе сохранить и национальный характер произведения и в то же время освободиться от всего, что не прозвучит для русского слуха» он считал задачей достойной самого взыскательного художника [11, 140-141]. Североосетинское отделение ССП СССР высоко ценило ответственное отношение Юрия Николаевича к выполняемой работе. Поэтому нередко руководство Союза, а порой непо-

средственно сами писатели, планируя перевод своих произведений на русский язык, обращались к нему с просьбой «принять на себя “тяготы” переводчика» [16, 1-2; 17, 1].

Как мы уже отметили, Либединский оставался действующим писателем. В послевоенные годы он создал трилогию «Горы и люди» (1947), «Зарево» (1952), «Утро Советов» (1957), писал очерки, воспоминания, выполнял немало общественных обязанностей, выступая со статьями и речами по самым разным вопросам литературного творчества. Во второй половине 1950-х гг. получил возможность переиздавать печатавшиеся в 1920-е – начале 1930-х гг. произведения, которые в 1937 г. оказались под запретом. Очевидно, что рабочий график писателя был напряженным. Тем не менее, он – «человек для людей», по выражению Н. Стальского [18, 3] – старался не отказывать в помощи. Его профессиональные качества, ответственное отношение к делу, готовность прийти на выручку были особенно востребованы, когда речь шла о подготовке к изданию произведений национальной литературы в центральных издательствах.

В 1950-е гг. в русских переводах Юрия Либединского были напечатаны многие произведения осетинской прозы. Среди них сборник «Осетинские рассказы» (Орджоникидзе, 1951, составитель Т. Джатиев). Через год этот же сборник, снабженный еще и предисловием переводчика, вышел в издательстве «Советский писатель». В переводе Либединского в 1951 г. в издательстве «Правда» был напечатан сборник рассказов Дабе Мамсурова «Журавль Бип-бип», многократно в

последующем переиздававшийся в центральных и региональных издательствах. В его же переводе в 1959 г. в «Детгизе» к 100-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова был напечатан сборник рассказов осетинских писателей «Наш Коста». Юрий Николаевич активно содействовал изданию произведений осетинских писателей в библиотеке журнала «Огонек» [19]. Уже после смерти писателя в 1960 г. в его авторизованном переводе на русском языке в издательстве «Советский писатель» вышел роман Д. Мамсурова «Поэма о героях».

Отдельного упоминания заслуживает работа писателя над переводом сводного текста нартовских сказаний. Доступ к этой важной для национальной культуры работе писатель получил весной 1947 г. по приглашению Госиздата и Союза писателей СО АССР как выражение доверия к Либединскому-переводчику. В апреле 1947 г. он писал Созрыко Бритаеву: «Эпос мне очень понравился, и я с большой охотой берусь за эту работу» [20, 1]. В 1948 г. «Осетинские нартовские сказания» в русском переводе были напечатаны в Госиздате Северо-Осетинской АССР, а в следующем году вышли в издательстве «Советский писатель».

На рубеже 1940-1950-х гг. политическое руководство страны, стремясь обуздать последствия некоторых послаблений, предоставленных во время войны национальным сообществам по идеологическим и политическим соображениям [13, 419], свернуло многие исследовательские проекты, связанные с популяризацией истории и культуры отдельных малочисленных народов. Среди запретных тем оказались и «нарты».

Но на волне «оттепельных» процессов к середине 1950-х гг. в государственной культурной политике произошёл новый поворот в отношении культур малых народов. Народный героический эпос вновь был признан имеющим «культурно-политическое и воспитательное значение». В отечественной фольклористике развернулось масштабное и координированное изучение эпического наследия народов СССР [21, 6-7; 22, 142]. Либединский получил предложение от руководства Северо-Осетинского научно-исследовательского института еще раз выступить переводчиком эпоса [23]. Занимаясь подготовкой на русском языке нового издания героических сказаний, писатель опирался на уже известный ему материал. При этом он работал в непосредственной связке с осетинскими учеными и писателями, среди которых был и Хадзыбатр Ардасенов. В письме к нему в июле 1959 г. Юрий Николаевич писал: «Как только издательство при заключении договора заявило мне, что оно хочет иметь дело только со мной, ...взоры мои обратились к Вам, потому что помню, как мы славно работали с Вами над первым изданием нартов» [14, 1].

Итогом тесного сотворчества русского писателя и осетинской интеллигенции стал обновленный и пополненный художественно более совершенными вариантами и деталями, рядом новых сказаний, в основном извлеченных из фондов архива СОНИИ, сводный текст Осетинской Нартиады на русском языке. Этот литературный перевод, переживший множество изданий, в настоящее время, пожалуй, может быть названным эталонным художественным переводом сводного

прозаического текста осетинских нартовских сказаний.

Вместе с тем, художественный перевод являлся лишь одним из направлений творческого сотрудничества Либединского с осетинской культурой. Не менее значимая роль во взаимоотношениях с местными писателями ему отводилась в качестве редактора, рецензента, координатора и организатора издания произведений осетинской литературы. Как и для многих других советских русских писателей-наставников, эта роль была обусловлена рядом политических обстоятельств, возникших с завершением периода кulta личности.

Как известно, потепление общественно-политического климата в стране после смерти вождя породило в среде советской интеллигенции надежды на обновление. Власть обоснованно опасалась неконтролируемого развития критических умонастроений в литературно-художественном сообществе, потому сама инициировала обсуждение спорных вопросов художественного творчества. В области литературы в первую очередь подверглась критике и решительно была отвергнута теория бесконфликтности. Быть искренними, «смело», без прикрас и лакировки показывать «правду» жизни, призывали статьи В. Померанцева, Ф. Абрамова, В. Овечкина и написанные в обновленческом ключе книги В. Пановой, И. Эренбурга. В литературно-художественных кругах регионов активизировались тенденции национальной идентификации, поиски нового «творческого лица». Но критическое переосмысление состояния художественной культуры в обществе явно опережало реформаторские

устремления в сложившейся практике партийно-государственного управления творческим процессом. И уже в мае 1954 г. начавшуюся «оттепель» сменили «заморозки». В центральных газетах появились статьи с осуждением литераторов за «абстрактный гуманизм», «ложное разоблачительство», «очернение советской действительности» [13, 476-477].

Развернувшаяся общесоюзная кампания критики либерализма и космополитизма, мелкобуржуазных настроений вызвала замешательство и тревогу в писательской среде. В сложившейся ситуации, в условиях «межвластия» и политической неопределенности большинство национальных литераторов, опасаясь репрессий, очень активно использовали ресурс связей с литературными наставниками и кураторами в качестве гарантий политической надежности или демонстрации идеологической лояльности.

Многие осетинские писатели (Г. Кайтуков, Т. Джатиев, Д. Мамсуров, М. Цагараев, и др.) были связаны тесными «рабочими» отношениями с русскими писателями и переводчиками (Н. Тихоновым, А. Фадеевым, А. Горбуновым, А. Гатовым, Л. Либединской, В. Шефнером и др.). Особенно часто обращались к Либединскому с самыми разными просьбами: «обеспечить литперевод», «взять редактирование на себя», помочь «в организации перевода» материалов для альманаха «Советская Осетия», наконец, выступить посредником в переговорах с издательствами о публикации литературных произведений и т.д. Особого упоминания заслуживает многолетнее творческое содружество Юрия Николаевича с Езетхан Уруймаговой. Вме-

сте с Николаем Тихоновым он был тем «добрым гением», кто оказывал всемерную поддержку писательнице при ее работе над романом «Навстречу жизни». Он очень много помогал в литературной обработке и редактировании текстов рукописи романа, содействовал в решении организационных вопросов, в преодолении бюрократических препон, налаживании взаимодействия с издательствами. И вместе с тем, морально подбадривал, настраивал на рабочий лад [9, 59].

В целом имеющиеся документальные источники позволяют составить представление о сложившейся практике использования покровительства русских писателей как своеобразной «охранной грамоты» во взаимоотношениях национальных писателей с курирующими творческий процесс партийно-государственными структурами. Случались просьбы и более частного характера. К примеру, готовя выступление на II съезде ССП СССР в 1954 г., председатель Северо-Осетинского отделения Союза писателей М. Цагараев обращался к Либединскому по поводу своего предстоящего доклада: «С Дабе (Мамсуровым. – И.Ц.) провели незначительные сокращения, но пока в набор не сдали – до Ваших замечаний и Вашей редакции. Одним словом – посылаем доклад на Ваше усмотрение и на Ваше решение» [19, 1, 3, 5, 6].

Таким образом, в сложные послевоенные годы, чреватые звучавшими в адрес творческой интеллигенции обвинениями в «идеологической близорукости», в потере бдительности, человеческие связи писателей укреплял доверительный характер многолетнего профессионального общения.

Либединский воспринимался в среде национальной интеллигенции не только политическим и культурным куратором, но доброжелательным советчиком и товарищем, с которым был пройден нелегкий путь. Новым этапом развития их сотрудничества являлись годы, последовавшие после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.).

Гуманизация характера отношений «куратор – подопечный» в условиях «оттепели» в целом привела к новой партнерской форме сотрудничества. Более открытый и доверительный формат приобретали личные отношения. Для осетинских писателей Юрий Либединский был уже не просто наставником и покровителем, но и близким другом. Новыми гранями высвечиваются эти отношения при знакомстве с перепиской между ним и некоторыми представителями осетинской творческой интеллигенции, отложившейся в фонде писателя в РГАЛИ. В ней Юрий Николаевич предстает как умный «старший товарищ» и «сердечный друг», которому можно было поверять сокровенные мысли, с которым можно было делиться повседневными заботами. Дружеское общение укрепляло и межсемейные связи. В них выражались взаимное «радушие, гостеприимство и любезное великодушие»; возможность в буквальном смысле согреться теплом очага друг друга [24, 1; 19, 6, 13].

Эпистолярное наследие наполнено эпизодами, позволяющими судить о том, что Либединского с осетинскими литераторами (Дабе Мамсуровым, Тотырбеком Джатиевым, Максимом Цагараевым и др.) связывали дружеские отношения, не прерывавшиеся до самой его кончины. Они формируют также представление о разносто-

роннем творческом взаимодействии и сотрудничестве с литературным сообществом Осетии, выявляют характер отношений с представителями национальной интеллигенции, позволяют судить о его профессиональных и человеческих качествах. Бытовые детали переписки, без сомнения, имеют культурный и научный интерес как репрезентативный источник для характеристики повседневной жизни советского послевоенного общества и творческих деятелей. Наконец, они дают возможность глубже в целом осмыслить особенности проведения советской государственной политики в отношении национальных культур народов СССР в послевоенный период.

Таким образом, литературное наставничество, широко распространившееся во второй половине 1940-х – 1950-е гг. в СССР объективно содействовало развитию интернационалистских, межкультурных отношений, способствовало профессиональному росту местных писательских кадров и обогащению национальных литератур. Новые формы межкультурной коммуникации внутри многонационального советского писательского сообщества обеспечивали развитие коллективных и индивидуальных контактов литераторов. Достаточно отчетливо эволюция характера наставнических отношений в советской культурной практике во второй половине 1940–1950-х гг. прослеживается через творческое и личностное взаимодействие и сотруд-

ничество советского русского писателя Юрия Либединского с осетинскими литераторами.

Политика культурного кураторства, проводимая по отношению к национальной интеллигенции, предусматривала создание новых форм межкультурного и межличностного общения внутри многонационального писательского сообщества СССР. В середине 1950-х гг. отношения литературного наставничества организационно уже выходили далеко за рамки сложившейся модели «куратор – подопечный». Формировался новый тип советского русского писателя – литературного наставника, наделенного не только полномочиями организатора и координатора литературного процесса в национальных регионах, но и становившегося партнером в формировании иного общественного климата. Об этом были отчасти размышления Юрия Николаевича в написанной в 1956 г. статье «Об уважении к литературе» [11, 102-113]. В целом качественный переход от роли литературного наставника к партнерской функции в условиях «потепления» общественно-го климата способствовал сохранению коммуникативного наследия сторон, содействовал развитию процесса гуманизации и интернационализации советского общества, утверждению, в частности в литературно-художественной сфере, атмосферы неформального уважения к языкам, традициям и обычаям народов СССР.

1. Советская культура в реконструктивный период. 1928–1941. М., 1988.
2. Тихонов Н. О Коста Хетагурове. Речь, произнесенная на торжественном заседании, посвященном столетию со дня рождения Коста Хетагурова, в Кремлевском театре в Москве 23 октября 1959 года. Орджоникидзе, 1965.
3. Культурное строительство в Северной Осетии. 1941-1977. Сб. документов и материалов в 2-х тт. Орджоникидзе, 1983. Т. 2.
4. Шонин В.А. Поэт романтического подвига. Очерк творчества Н.С. Тихонова. Л., 1976.
5. Антипина В.А. ССП СССР: Методы руководства литературным процессом и стратегии выживания литераторов в 1945-1954-е годы // Культура и власть в СССР. 1920-1950-е годы. Материалы IX международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24-26 октября 2016 г.). М., 2017. С. 219-230.
6. Гиреев Д. Н. Тихонов и Е. Уруймагова // Творчество Николая Тихонова. Исследования и сообщения. Л., 1973. С. 316-324.
7. Дзапарова Е.Б. Художественный перевод в осетинской литературе. Владикавказ, 2014.
8. Дзапарова Е.Б. Художественный перевод и его роль в осетинском литературном процессе 1930-х гг. // Вопросы литературы и фольклора. 2017. № 9. С. 58–76.
9. Цориева И.Т. «Осетины» Езетхан Уруймаговой: история романа // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 30(69). С. 53–65.
10. Либединский Юрий Николаевич (10 декабря 1898 – 24 ноября 1959). Писатель, журналист // Писатели. [электронный ресурс]. URL: <http://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/libedinskij-yurij-nikolaevich/>
11. Либединский Ю.Н. Об уважении к литературе. М., 1965.
12. Вдовин А.И. Русский народ в национальной политике. XX век. Кунгур, 2007.
13. Вдовин А.И. СССР. История великой державы (1922-1991). М., 2018.
14. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1099. Д. 436. Оп. 1.
15. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 469. Оп. 1.
16. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 660. Оп. 1.
17. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 1019. Оп. 1.
18. Стальский Н. Человек для людей // Либединский Ю. Об уважении к литературе. Статьи, рецензии, воспоминания. М., 1965. С. 3–18.
19. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 1006. Оп. 1.
20. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 449. Оп. 1.
21. Алиева А.И. Издание национальных версий нартского эпоса в двуязычной академической серии «Эпос народов Европы и Азии» // Нартоведение в XXI веке: Современные парадигмы и интерпретации. 2012. Вып. 1. С. 6–20.
22. Цориева И.Т. Осетинская Нартиада: к истории записи и издания героического эпоса // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 133-149.

23. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 548. Оп. 1.

24. РГАЛИ. Ф. 1099. Д. 472. Оп. 1.

Tsorieva, Inga T. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); tsorin@mail.ru

LITERARY MENTORING IN THE SOVIET CULTURAL PRACTICE: Yu.N. LIBEDINSKY AND OSSETIAN WRITERS.

Keywords: literary mentorship, curatorship, political censorship, national literature, Ossetian writers, Yu.N. Libedinsky.

The article discusses the issue of the practice of literary mentoring in relation to national writers that developed in the 1930-1950s. The functions of curators and mentors were performed, along with the ideological workers of the party apparatus, by members of the central governing bodies of the Union of Soviet Writers of the USSR, well-known Soviet Russian writers. They secretly played the role of political censors, endowed with the right to influence the literary process, to regulate the personnel of regional writers' organizations, to bring the creative plans and ideas of writers in line with the social order. The evolution of mentoring relations during the second half of the 1940s-1950s from exclusively professional contacts to closer, more fruitful for both parties, creative and interpersonal communication can be traced through the interaction and cooperation of the writer Yury Nikolaevich Libedinsky with Ossetian writers. It is noted that by the mid-1950s, in the conditions of the emerging "thaw", mentoring relations organizationally went beyond the framework of the "curator-mentee" model. A new type of Soviet Russian writer was being formed - a literary mentor, endowed not only with the authority of the organizer and coordinator of the literary process in national regions, but also becoming a partner in the formation of a different social climate. It is concluded that a qualitative transition from the role of a literary mentor to a partner function in the conditions of a "warming" social climate contributed to the preservation of the communicative heritage of the parties, the development of the process of humanization and internationalization of Soviet society, the establishment, in particular, in the literary and artistic sphere of an atmosphere of informal respect for languages and cultures of the peoples of the USSR.

REFERENCES

1. *Sovetskaya kul'tura v rekonstruktivnyi period. 1928-1941* [Soviet culture in the reconstruction period. 1928-1941]. Moscow, Nauka, 1988. 605 p.
2. Tikhonov, N. *Tikhonov N. O Kosta Khetagurove. Rech', proiznesennaya na torzhestvennom zasedanii, posvyashchennom stoletiyu so dnya rozhdeniya Kosta Khetagurova, v Kremlevskom teatre v Moskve 23 oktyabrya 1959 goda* [About Kosta Khetagurov. Speech delivered at a solemn meeting dedicated to the centenary of the birth of Kosta Khetagurov, at the Kremlin Theater in Moscow on October 23, 1959]. Ordzhonikidze, Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. 20 p.

3. *Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoi Osetii. Sb. dok i materialov* [Cultural construction in North Ossetia. Collection of documents and materials]. Ordzhonikidze, Ir, 1983, vol. 2. 350 p.

4. Shonin, V.A. *Poet romanticheskogo podviga. Ocherk tvorchestva N.S. Tikhonova* [Poet of romantic feat. Essay on N.S. Tikhonov's creativity]. Leningrad, Sovetskii pisatel', 1976. 431 p.

5. Antipina, V.A. *SSP SSSR: Metody rukovodstva literaturnym protsessom i strategii vyzhivaniya literatorov v 1945-1954-e gody* [Union of Soviet Writers of the USSR: Methods of leadership of the literary process and survival strategies of writers in 1945-1954]. *Kul'tura i vlast' v SSSR. 1920-1950-e gody. Materialy IX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 24-26 oktyabrya 2016* [Culture and power in the USSR. 1920-1950s. Proceedings of the IX International Scientific Conference, St. Petersburg, October 24-26, 2016]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2017, pp. 219-230.

6. Gireev, D. N. *Tikhonov i E. Uruimagova* [N. Tikhonov and E. Uruimagova]. *Tvorchestvo Nikolaya Tikhonova. Issledovaniya i soobshcheniya* [Nikolai Tikhonov's creativity. Research and reports]. Leningrad, Nauka, 1973, pp. 316-324.

7. Dzaparova, E.B. *Khudozhestvennyi perevod v osetinskoj literature* [Literary translation in Ossetian literature]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2014. 312 p.

8. Dzaparova, E.B. *Khudozhestvennyy perevod i yego rol' v osetinskom literaturnom protsesse 1930-kh gg.* [Literary translation and its role in the Ossetian literary process in the 1930s]. *Voprosy literatury i fol'klora* [Issues of literature and folklore]. 2017, no. 9, pp. 58-76.

9. Tsorieva, I.T. "Osetiny" *Ezetkhan Uruimagovoi: istoriya romana* ["Ossetians" by Yezetkhan Uruimagova: the history of the novel]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2018, iss. 30(69), pp. 53-65.

10. *Libedinsky Yury Nikolaevich (10 dekabrya 1898 – 24 noyabrya 1959). Pisatel', zhurnalist* [Libedinsky Yury Nikolayevich (December 10, 1898 – November 24, 1959). Writer, journalist]. *Pisateli* [Writers]. [electronic resource]. URL: <http://litkarta.chelreglib.ru/persons/writers/libedinskij-yurij-nikolaevich/>

11. Libedinsky, Yu.N. *Ob uvazhenii k literature* [About respect for literature]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1965. 328 p.

12. Vdovin, A.I. *Russkii narod v natsional'noi politike. XX vek* [Russian people in national politics. XX century]. Kungur, Kungurskii pechatnyi dvor PGE, 2007. 390 p.

13. Vdovin, A.I. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922-1991)* [USSR. History of a great state (1922-1991)]. Moscow, RG-Press, 2018. 768 p.

14. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (RGALI)* [Russian State Archive of Literature and Art (RSALA)]. Fund 1099. Case 436. Inventory 1.

15. *RGALI* [RSALA]. Fund 1099. Case 469. Inventory 1.

16. *RGALI* [RSALA]. Fund 1099. Case 660. Inventory 1.

17. *RGALI* [RSALA]. Fund 1099. Case 1019. Inventory 1.

18. Stalsky, N. *Chelovek dlya lyudei* [Man for people]. *Libedinsky Yu. Ob uvazhenii*

k literature. Stat'i, retsenzii, vospominaniya [Libedinsky Yu. On respect for literature. Articles, reviews, memories]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1965, pp. 3–18.

19. RGALI [RSALA]. Fund 1099. Case 1006. Inventory 1.

20. RGALI [RSALA]. Fund 1099. Case 449. Inventory 1.

21. Alieva, A.I. *Izdanie natsional'nykh versii nartskogo eposa v dvuyazychnoi akademicheskoi serii "Epos narodov Evropy i Azii"* [Publication of national versions of the Nart epic in the bilingual academic series "Epos of the peoples of Europe and Asia"]. *Nartovedenie v XXI veke: Sovremennye paradigmy i interpretatsii* [Nart studies in the 21st century: Modern paradigms and interpretations]. 2012, iss. 1, pp. 6–20.

22. Tsorieva, I.T. *Osetinskaya Nartiada: k istorii zapisi i izdaniya geroicheskogo eposa* [Ossetian Nartiada: on the history of recording and publishing the heroic epic]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2019, no. 3, pp. 133-149.

23. RGALI [RSALA]. Fund 1099. Case 548. Inventory 1.

24. RGALI [RSALA]. Fund 1099. Case 472. Inventory 1.